

18+

ЭДГАР УОЛЛЕС

СЛЕДСТВИЕ ВЕДЁТ
МИСТЕР РИДЕР

Перевод с английского: Дмитрий Корсаков

Эдгар Уоллес

Следствие ведёт мистер Ридер

«Издательские решения»

Уоллес Э.

Следствие ведёт мистер Ридер / Э. Уоллес — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Мистер Дж. Г. Ридер — самый проникательный и опасный сотрудник департамента государственного обвинителя в Лондоне. Обладая, «криминальным умом», этот скромный джентльмен видит насквозь самые изощренные преступления, перед которыми пасует Скотленд-Ярд. Фальшивомонетки, зловещие синдикаты и идеальные убийства — для мистера Ридера нет неразрешимых загадок. Эдгар Уоллес представлен в новом, полном переводе, который сохранил фирменный юмор и густую атмосферу туманного Лондона начала XX века.

© Уоллес Э.

© Издательские решения

Содержание

Эдгар Уоллес	6
СЛЕДСТВИЕ ВЕДЁТ МИСТЕР РИДЕР	7
Перевод с английского: Дмитрий Корсаков	7
I. Поэтичный полицейский	8
II. Охота за сокровищами	17
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Следствие ведёт мистер Ридер

Эдгар Уоллес

Переводчик с английского Дмитрий Корсаков

© Эдгар Уоллес, 2026

ISBN 978-5-0070-7272-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Эдгар Уоллес

СЛЕДСТВИЕ ВЕДЁТ МИСТЕР РИДЕР

Перевод с английского: Дмитрий Корсаков

I. Поэтический полицейский

День, когда мистер Ридер прибыл в офис государственного обвинителя, стал поистине роковым для мистера Лэмбтона Грина, управляющего филиалом Банка Лондона, Шотландии и Мидленда.

Этот филиал, находившийся под началом мистера Грина, располагался на углу Пелл-стрит и Фирлинг-авеню, в тихой окраинной части Илинга. Здание было довольно внушительным, и, в отличие от большинства пригородных отделений, все его помещения использовались исключительно под банковские нужды. Дело в том, что банк хранил весьма крупные вклады: «Лунар Трэкин Компани», в чьем штате числилось три тысячи сотрудников, «Ассошиэтед Новелтиз Корпорейшн» с её колоссальным товарооборотом и «Ларафон Компани» были лишь тремя из многочисленных солидных клиентов этого филиала.

По средам, во второй половине дня, готовясь к выплате зарплат сотрудникам этих корпораций, из головного офиса доставляли огромные суммы наличных. Их помещали в бетонно-стальную бронированную комнату-сейф, расположенную прямо под личным кабинетом мистера Грина. Попасть туда можно было через массивную стальную дверь, находившуюся в общем операционном зале. Эта дверь была прекрасно видна с улицы, и для лучшего обзора на стене прямо над ней был закреплен светильник под абажуром, отбрасывавший мощный луч света на стальную поверхность. Дополнительную безопасность обеспечивал ночной сторож Артур Моллинг, отставной военный.

Банк находился на строго ограниченном полицейском маршруте, составленном таким образом, что патрульный констебль проходил мимо здания каждые сорок минут. В его обязанности входило заглянуть в окно и обменяться сигналами с ночным сторожем, причем инструкция требовала дожидаться появления Моллинга.

В ночь на 17 октября констебль Бёрнетт, как обычно, остановился перед широким смотровым окном и заглянул внутрь банка. Первое, что он заметил — лампа над дверью хранилища была погашена. Ночного сторожа нигде не было видно. Заподозрив неладное, полицейский не стал дожидаться появления мужчины, как сделал бы в обычных обстоятельствах, а поспешил мимо окна к двери, которую, к своему ужасу, обнаружил приоткрытой. Толкнув её, он вошел в банк, громко зовя Моллинга по имени. Ответа не последовало.

В воздухе разливался слабый сладковатый запах, источник которого он не мог определить. В операционном зале было пусто, но, войдя в кабинет управляющего, где горел свет, констебль увидел лежащую на полу фигуру. Это был ночной сторож. Его запястья были скованы наручниками, а колени и лодыжки туго стянуты двумя ремнями.

Причина странного и тошнотворного аромата сразу прояснилась. Над головой распростертого мужчины на проволоке, зацепленной за картинный багет, висела старая консервная банка. Её дно было пробито, и из него непрерывно капала летучая жидкость на толстую ватную подушку, полностью закрывавшую лицо Моллинга.

Бёрнетт, получивший ранение на фронте, мгновенно узнал запах хлороформа. Вытащив находящегося без сознания мужчину в операционный зал, он сорвал подушку с его лица. Оставив его лишь на мгновение, чтобы позвонить в полицейский участок, констебль тщетно пытался привести беднягу в чувство.

Полицейское подкрепление прибыло через несколько минут, а вместе с ними и окружной врач, который, к счастью, оказался на участке в момент поступления сигнала тревоги. Однако все попытки вернуть несчастного к жизни оказались безрезультатными.

— Похоже, он был уже мертв, когда его нашли, — заключил полицейский врач. — А вот что это за царапины на его правой ладони — загадка.

Он разжал судорожно сжатый кулак покойного и показал полдюжины мелких царапин. Они были свежими, так как на ладони виднелся мазок крови.

Бёрнетта немедленно отправили разбудить управляющего, мистера Грина, который жил на Фирлинг-авеню, у самого угла которой стоял банк. Это была улица с двухквартирными виллами — архитектурным типом, до боли знакомым любому лондонцу. Проходя через палисадник к крыльцу, полицейский заметил свет, пробивавшийся сквозь стеклянные панели двери. Стоило ему постучать, как дверь тут же отворилась, и на пороге появился мистер Лэмбтон Грин. Он был полностью одет и, на наметанный взгляд полицейского, находился в состоянии крайнего смутения. На стуле в прихожей констебль Бёрнетт заметил большой саквояж, дорожный плед и зонт.

Маленький управляющий, бледный как смерть, выслушал рассказ Бёрнетта о страшной находке.

— Банк ограблен? Невероятно! — почти вскрикнул он. — Боже мой! Это ужасно!

Он был настолько близок к обмороку, что Бёрнетту пришлось поддерживать его под руку по пути к банку.

— Я... я собирался уехать в отпуск, — бессвязно бормотал он, шагая по темной улице. — Дело в том... я уходил из банка. Я оставил записку... с объяснениями для директоров.

Шатаясь, управляющий вошел в круг подозрительно смотревших на него людей. Он отпер ящик своего письменного стола, заглянул внутрь и окончательно сдал.

— Их здесь нет! — дико закричал он. — Я оставил их здесь — мои ключи, вместе с запиской!

И с этими словами он лишился чувств. Когда ошеломленный мужчина пришел в себя, он обнаружил, что находится в полицейской камере. Позже в тот же день, поддерживаемый двумя констеблями, он предстал перед мировым судьей и, словно в тумане, слушал предъявленное ему обвинение в причинении смерти Артуру Моллингу, а также в присвоении суммы в размере 100 000 фунтов стерлингов.

Именно в утро перед первым судебным заседанием мистер Джон Г. Ридер, испытывавший глубокое недоверие ко всем правительственным ведомствам, с явной неохотой перебрался из своего собственного офиса на Лоуэр-Реджент-стрит в довольно мрачный кабинет на верхнем этаже здания, где размещалась прокуратура. Переходя на новое место, он выдвинул лишь одно условие: его рабочий стол должен быть соединен прямой телефонной линией со старым бюро.

Он не требовал этого — он вообще никогда ничего не требовал. Он просил об этом робко и с извинениями. В Джоне Г. Ридере сквозила какая-то щемящая беспомощность, которая вызывала у окружающих жалость. Она даже заставила самого государственного обвинителя пережить несколько неприятных минут сомнений: правильно ли он поступил, заменив этого слабого с виду человека средних лет инспектором Холфордом — грубоватым, деятельным и окутанным плотной завесой таинственности.

Мистеру Ридеру было за пятьдесят. Это был продолговатый джентльмен с седеющими рыжеватыми волосами и тонкими бакенбардами, которые, к счастью, отвлекали внимание от его огромных, оттопыренных ушей. Посередине носа у него сидело пенсне в стальной оправе, сквозь которое, впрочем, никто никогда не видел, чтобы он смотрел — при чтении он его неизменно снимал. Высокий котелок с плоским верхом подходил и одновременно не подходил к сюртуку, туго застегнутому на его худощавой груди. Квадратные носы его ботинок и широкий галстук, напоминавший нагрудный пластырь, дополняли картину. Галстук был фабричного производства и застегивался сзади на пряжку под жестким воротничком типа «Гладстон». Самым же аккуратным предметом в обиходе мистера Ридера был зонт, свернутый настолько плотно, что его можно было принять за пижонскую трость. В дождь или в ведро

он неизменно носил этот предмет на загнутой ручке, зацепив за руку, и старожилы не могли вспомнить случая, чтобы этот зонт хоть раз раскрывали.

Инспектор Холфорд (получивший к тому времени звание суперинтенданта) встретил его в кабинете, чтобы передать дела, а также более осязаемое имущество в виде старой мебели и обстановки.

— Рад знакомству, мистер Ридер. До сих пор не имел чести встречаться с вами лично, но много о вас наслышан. Вы ведь работали по делам Банка Англии, не так ли?

Мистер Ридер прошептал, что имел такую честь, и тяжело вздохнул, будто сожалея о резком повороте судьбы, вырвавшем его из безвестности его прежних трудов. Холфорд окинул его полным сомнения взглядом.

— Что ж, — неловко произнес он, — эта работа совсем другого рода. Хотя мне говорили, что вы один из самых осведомленных людей в Лондоне, так что для вас это будет парой пустяков. И все же у нас в ведомстве никогда раньше не было человека со стороны — я имею в виду, так сказать, частного детектива. Естественно, Скотленд-Ярд немного...

— Я прекрасно понимаю, — пробормотал мистер Ридер, вешая свой безупречный зонт. — Это вполне естественно. Мистер Болонд рассчитывал на это назначение. Его супруга раздосадована, и весьма справедливо. Впрочем, у неё нет причин для этого. Она женщина амбициозная. Ей принадлежит треть паев в одном танцевальном клубе в Вест-Энде, на который в один прекрасный день могут нагрянуть с облавой.

Холфорд был ошеломлен. Эта новость в самом Скотленд-Ярде циркулировала на уровне смутных слухов.

— Как, черт возьми, вы об этом узнали? — выпалил он.

Улыбка мистера Ридера была полна скромности и самоуничижения.

— Кое-какие крупницы информации до меня доходят, — извиняющимся тоном произнес он. — Понимаете... я во всем вижу дурное. Такое уж у меня странное извращение — у меня криминальный склад ума!

Холфорд глубоко вздохнул.

— Ну, тут дела продвигаются не особо активно. По Илингу картина предельно ясна. Грин — бывший каторжник, устроился в банк во время войны и дослужился до управляющего. Он уже отсидел семь лет за присвоение чужого имущества.

— За растрату и присвоение, — негромко поправил мистер Ридер. — Я... хм... боюсь, я был главным свидетелем обвинения против него. Банковские преступления были моим... скажем так, хобби. Да, он запутался в долгах у ростовщиков. Очень глупо, чрезвычайно глупо. И он не признает своей ошибки, — мистер Ридер тяжело вздохнул. — Бедный малый! Когда на кону стоит жизнь, можно простить и даже снисходительно отнестись к его жалкому увлечению от истины.

Инспектор в изумлении уставился на своего нового коллегу.

— Ну, уж не знаю, насколько он «бедный малый». Он припрятал сто тысяч фунтов и скормил нам такую шитую белыми нитками байку, каких я в жизни не читал. Если хотите, копии полицейских отчетов лежат здесь, можете ознакомиться. Царапины на руке Моллинга выглядят странно — на другой руке тоже нашли несколько штук. Они слишком поверхностные, чтобы говорить о борьбе. А уж что касается сказки, которую рассказывает Грин...

Мистер Дж. Г. Ридер печально кивнул. — Да, история была незатейливой, — произнес он почти с сожалением. — Если мне не изменяет память, его версия звучала примерно так: его узнал человек, с которым они вместе сидели в Дартмуре. Этот тип написал шантажное письмо с требованием заплатить или убираться. Но Грин, не желая возвращаться к преступной жизни, изложил все факты в письме к директорам, положил его в ящик стола вместе с ключами, а на самом столе оставил записку для главного кассира, намереваясь покинуть Лондон и начать все с чистого листа там, где его никто не знает.

— Ни в столе, ни на столе никаких писем и ключей не обнаружили, — решительно отрезал инспектор. — Единственной правдой во всей этой байке было то, что он действительно чалился.

— Отбывал тюремное заключение, — плачевно поправил мистер Ридер, который питал глубокое отвращение к жаргону. — Да, это было правдой.

Оставшись один в кабинете, он провел довольно много времени у телефона прямой линии, общаясь с той самой барышней, которая все еще оставалась барышней, хотя неумолимое время обошлось с ней весьма сурово. Оставшуюся часть утра он читал письменные показания, которые его предшественник оставил на столе.

Ближе к вечеру в его комнату заглянул государственный обвинитель и окинул взглядом внушительную стопку бумаг, в которую углубился его подчиненный. — Что вы там читаете — дело Грина? — спросил он с заметным удовлетворением в голосе. — Рад, что оно вас заинтересовало, хотя случай, кажется, предельно ясный. Я получил письмо от председателя правления его банка, который почему-то считает, что Грин говорит правду.

Мистер Ридер поднял глаза с тем скорбным выражением лица, которое неизменно появлялось у него, когда он был озадачен. — Вот показания полицейского Бёрнетта, — сказал он. — Возможно, сэр, вы сможете пролить на это свет. Полицейский Бёрнетт утверждает в своих показаниях... позвольте мне зачитать:

«Некоторое время назад, прежде чем дойти до здания банка, я заметил мужчину, стоявшего на углу улицы прямо возле банка. Я отчетливо разглядел его в свете проезжавшего мимо почтового фургона. Я не придавал его присутствию значения и больше его не видел. Этот человек вполне мог обойти квартал и подойти к дому №120 по Фирлинг-авеню, оставшись незамеченным для меня. Сразу после того, как я его увидел, моя нога наткнулась на какой-то кусок железа на тротуаре. Я направил луч фонаря на предмет и обнаружил, что это старая подкова; ранее в тот же вечер я видел, как с этой самой подковой играли дети. Когда я снова посмотрел в сторону угла, мужчина исчез. Должно быть, он увидел свет моего фонаря. Больше я никого не видел, и, насколько мне помнится, в окнах дома Грина, когда я проходил мимо, свет не горел».

Мистер Ридер поднял глаза. — Ну и что? — пожал плечами прокурор. — Ничего примечательного в этом нет. Вероятно, это был сам Грин: он обогнул квартал и зашел со спины констебля.

Мистер Ридер почесал подбородок. — Да, — задумчиво произнес он, — да-а... — Он неловко заерзал на стуле. — Не сочтут ли это неуместным, если я проведу несколько расспросов независимо от полиции? — робко спросил он. — Мне бы не хотелось, чтобы они подумали, будто какой-то дилетант вмешивается в их законные обязанности.

— На здоровье! — сердечно отозвался прокурор. — Поезжайте и повидайтесь с офицером, ведущим это дело. Я дам вам записку к нему. Для моих сотрудников вовсе не редкость проводить отдельное расследование, хотя боюсь, вы обнаружите очень мало. Скотленд-Ярд перекопал там всю землю.

— А самого человека повидать разрешается? — замялся Ридер. — Грина? Ну конечно! Я пришлю вам необходимое распоряжение.

Свет угасал в сером, порывистом небе, и временами принимался идти дождь, когда мистер Ридер с неизменным свернутым зонтом на руке и поднятым воротником пальто перешагнул через мрачные ворота тюрьмы Брикстон. Его провели в камеру, где сидел убитый горем человек, обхватив голову руками и уставившись блеклыми глазами в пустоту.

— Это правда, правда! Каждое слово, — почти разрыдался Грин. Это был бледный, склонный к лысине мужчина с жидкими, начинающими седеть усами желтоватого оттенка. Ридер с его феноменальной памятью на лица узнал его в то же мгновение, хотя Грину потребовалось некоторое время, чтобы признать в нем старого знакомого.

— Да, мистер Ридер, теперь я вас вспомнил. Вы тот самый джентльмен, который поймал меня в прошлый раз. Но я исправился, жил честно как по струнке. Я не взял ни единого фар-тинга, который бы мне не принадлежал. Что подумает моя бедная девочка...

— Вы женаты? — сочувственно поинтересовался мистер Ридер. — Нет, но собирался — довольно поздно для меня. Она почти на тридцать лет моложе, и она лучшая девушка из всех, кто когда-либо...

Ридер выслушал следовавшую за этим восторженную тираду, и лицо его становилось все более меланхоличным. — Слава Богу, в суд она не приходила, но всю правду знает. Мой друг рассказал, что она просто сама не своя от горя.

— Бедная душа! — мистер Ридер покачал головой. — И ведь это случилось прямо в ее день рождения, — с горечью добавил мужчина.

— Она знала, что вы собираетесь уехать? — Да, я сказал ей накануне вечером. Но впускать её в это дело я не стану. Если бы мы были помолвлены как положено, тогда другое дело; но она замужем и сейчас разводится с мужем, только вот решение суда еще не вступило в законную силу. Вот почему я нигде не появлялся с ней и редко виделся. И, конечно же, никто не знал о нашей помолвке, хотя мы жили на одной улице.

— На Фирлинг-авеню? — спросил Ридер, и управляющий банком уныло кивнул. — Ее выдали замуж в семнадцать лет за какого-то мерзавца. Для меня это было сущим наказанием — таиться и скрывать наши отношения, сознавая, что никто не знает о помолвке. К ней всюю подбивали клинья всякие паршивые типы, а мне оставалось только стискивать зубы и молчать. Несносные люди! Да вот хоть этот дурак Бёрнетт, который меня арестовал — он ведь тоже по ней сох. Стихи ей пописывал... Кто бы мог подумать, что полицейские способны на такое, правда?

Столь вопиющее несоответствие, как поэт в полицейском мундире, похоже, ничуть не шокировало сыщика. — Поэзия живет в каждой душе, мистер Грин, — мягко заметил он, — а полицейский — тоже человек.

И хотя он так легко отмахнулся от чудачества констебля, образ поэтичного полицейского не выходил у него из головы всю дорогу до дома на Брокли-роуд и занимал его мысли до самого сна.

Было без четверти восемь утра, и казалось, что мир населен исключительно молочниками и посвистывающими разносчиками газет, когда мистер Дж. Г. Ридер свернул на Фирлинг-авеню.

Он лишь на секунду задержался возле здания банка, которое уже давно перестало внушать местным жителям благоговейный трепет, и продолжил свой путь по широкой улице. По обеим сторонам дороги тянулись ряды хороших вилл — хороших, несмотря на их разительное фамильное сходство. Перед каждым домом был разбит палисадник, где-то засеянный просто газонной травой, где-то украшенный аккуратными клумбами. Дом Грина был восемнадцатым по счету на правой стороне улицы. Здесь он жил вместе с кухаркой-экономкой. Судя по всему, садоводство не входило в число его увлечений, поскольку весь палисадник зарос травой, которой позволялось расти как вздумается.

Перед двадцать шестым домом мистер Ридер остановился и с легким интересом оглядел синие шторы, закрывавшие каждое окно. Очевидно, мисс Магда Грейн питала слабость к цветам: герань плотно заполняла оконные ящики и красовалась через равные промежутки вдоль крошечного бордюра под эркером. В центре лужайки была разбита круглая клумба с единственным кустом роз, на котором не было цветов, а листья поникли и побурели.

Когда он поднял глаза к верхнему окну, штора медленно поползла вверх, и он смутно разглядел силуэт за белыми кружевными занавесками. Мистер Ридер поспешно зашагал прочь, словно пойманный за чем-то неприличным, и продолжал свою прогулку, пока не дошел до большого садового питомника, занимавшего угловой участок в самом конце улицы.

Здесь он остановился на некоторое время в глубоком созерцании. Опершись рукой на железную ограду, он невидящим взором уставился на бесконечные ряды теплиц. В этой позе он пробыл так долго, что один из садовников — вполне закономерно решив, что незнакомец высматривает лазейку в сад — подошел к нему тяжелой, неторопливой походкой человека, зарабатывающего на жизнь трудом на земле, и спросил, нужен ли ему кто-нибудь.

— Многие, — вздохнул мистер Ридер, — очень многие!

Оставив озадаченного работника размышлять над этой дерзостью, он медленно двинулся в обратном направлении. Возле дома №412 он снова остановился, открыл маленькую железную калитку и прошел по дорожке к парадной двери. На стук ответила маленькая девочка и проводила его в гостиную.

Комната была обставлена небогато — точнее сказать, почти пуста. Коридор покрывала полоса совершенно нового линолеума, а вся меблировка гостиной состояла из плетеных кресел, небольшого узорчатого ковра и стола. Над головой послышался стук шагов — шагов по голым доскам, — а затем дверь открылась и вошла девушка.

Она была миловидна, но красотой несколько тяжеловесной, а на её лице лежала печать глубокого страдания. Оно было бледным и осунувшимся; глаза казались заплаканными, будто она плакала совсем недавно. — Мисс Магда Грейн? — спросил он, поднимаясь ей навстречу. Она кивнула.

— Вы из полиции? — быстро спросила она.

— Не совсем из полиции, — осторожно поправил он. — Я занимаю... хм... должность в ведомстве государственного обвинителя. Это ведомство аналогично столичной полиции, но существует отдельно от неё.

Она нахмурилась, а затем произнесла: — Я всё думала, придёт ли кто-нибудь ко мне. Вас прислал мистер Грин?

— Мистер Грин упомянул о вашем существовании, но он меня не посылал.

В ту же секунду на её лице промелькнуло выражение, которое едва не поразило его. Это длилось лишь неуловимое мгновение: эмоция вспыхнула и угасла так быстро, что нетренированный взгляд вряд ли бы успел её уловить.

— Я ждала, что кто-нибудь придёт, — сказала она и тут же спросила: — Но зачем он это сделал?

— Вы думаете, он виновен?

— Так считает полиция, — она глубоко вздохнула. — Господи, лучше бы я никогда не видела... этого места!

Он не ответил; его взгляд блуждал по комнате. На бамбуковом столике стояла старая ваза, небрежно наполненная золотистыми хризантемами на редкость красивого сорта. Точнее, почти вся наполненная — посреди них цвела крупная осенняя астра, выглядевшая сиротливо, словно парвеню, случайно затесавшийся в благородное общество.

— Вы любите цветы? — негромко спросил он.

Она равнодушно взглянула на вазу. — Да, люблю. Это служанка их туда поставила, — и добавила: — Как вы думаете, его повесят?

Эта жестокость вопроса, заданного без тени сомнения, покорила Ридера. — Обвинение очень серьёзное, — ответил он. — Скажите, а у вас есть фотография мистера Грина?

Она нахмурилась. — Да. Она вам нужна?

Он кивнул.

Стоило её шагам затихнуть за дверью, как он тут же оказался у бамбукового столика и вынул цветы. Как он и разглядел сквозь стекло, они были грубо перевязаны бечёвкой. Он осмотрел стебли: его первое предположение снова подтвердилось — цветы не были срезаны, их безжалостно сорвали прямо со стеблями. Под бечёвкой обнаружился клочок бумаги, в который

стебли были обёрнуты изначально. Это был вырванный из блокнота лист; он отчётливо видел красные линейки, но написанные карандашом строчки было не разобрать.

Услышав её шаги на лестнице, он вернул цветы в вазу, и когда она вошла, он уже спокойно смотрел в окно на улицу.

— Благодарю вас, — сказал он, принимая от неё фотографию. На обороте красовалась нежная надпись. — Он говорил, что вы замужем, сударыня?

— Да, замужем, но фактически в разводе, — отрезала она.

— Давно вы здесь живёте?

— Около трёх месяцев, — ответила она. — Он сам хотел, чтобы я жила здесь.

Он снова взглянул на фотографию. — Вы знакомы с констеблем Бёрнеттом?

Он заметил, как густой румянец залил её лицо и тут же сошёл на нет. — Да, знаю я этого слюнявого дурака! — зло бросила она. Но, сообразив, что сорвавшееся слово было не совсем приличным для леди, добавила более мягким тоном: — Мистер Бёрнетт ужасно сентиментален, а я не люблю таких людей, особенно... ну, вы понимаете, мистер...

— Ридер, — подсказал джентльмен.

— Вы понимаете, мистер Ридер, когда девушка помолвлена и находится в моём положении, подобное внимание не очень-то уместно.

Ридер пристально смотрел на неё. В том, что она искренне расстроена и удручена, сомнений не было. В вопросах человеческих эмоций и того, какие следы они оставляют на лице, мистер Ридер был почти таким же авторитетом, как Мантегацца.

— В ваш день рождения. Как это печально! Значит, вы родились семнадцатого октября. Вы ведь англичанка?

— Да, англичанка, — коротко бросила она. — Я родилась в Уолуорте... то есть в Уоллингтоне. Раньше я жила в Уолуорте.

— Сколько вам лет?

— Двадцать три, — ответила она.

Мистер Ридер снял очки и принялся протирать их большим шёлковым платком. — Всё это невыразимо печально, — произнес он. — Я рад, что мне представилась возможность поговорить с вами, барышня. Я вам искренне сочувствую.

И с этим довольно неудовлетворительным напутствием он откланялся.

Она закрыла за ним дверь и сквозь окно увидела, как он остановился посреди дорожки, поднял что-то с клумбы и пошёл дальше. Нахмурившись, она гадала, зачем этот пожилой мужчина подобрал подкову, которую она сама выбросила в окно прошлым вечером. Кусок ржавой стали перекочевал в задний карман сюртука мистера Ридера, и тот в глубокой задумчивости направился к садовому питомнику: у него оставалось ещё несколько вопросов.

Сотрудники десятого участка как раз строились перед разводом на службу, когда в дежурную комнату робко вошёл мистер Ридер и предъявил свои полномочия дежурному инспектору.

— О, конечно, мистер Ридер, — приветливо отозвался офицер. — Мы получили записку из прокуратуры. Кажется, я имел удовольствие работать с вами по тому крупному делу о «липе» [1] несколько лет назад. Чем могу помочь?... Бёрнетт? Да, он здесь.

[1] «Липа» (жарг.) — фальшивые банкноты Банка Англии.

Он выкрикнул имя, и из строя вышел молодой, симпатичный полицейский. — Это он обнаружил убийство, теперь представлен к повышению, — вполголоса пояснил инспектор. — Бёрнетт, этот джентльмен из прокуратуры, хочет с тобой побеседовать. Проходите в мой кабинет, мистер Ридер.

Молодой полицейский козырнул и последовал за шаркающей фигурой в тишину инспекторского кабинета. Это был уверенный в себе молодой человек: его имя и портрет уже украшали газетные полосы, намёк на повышение стал почти свершённым фактом, а перед глазами маячила перспектива блестящей карьеры.

— Мне сказали, что вы в некотором роде поэт, офицер, — начал мистер Ридер.

Бёрнетт покраснел. — Ну... да, сэр. Пописываю немного, — признался он.

— Любовную лирику, верно? — мягко спросил Ридер. — Ночью ведь находится время... хм... для таких фантазий. Да и нет лучшего вдохновения, чем... хм... любовь, офицер.

Лицо Бёрнетта стало пунцовым. — Бывало, я писал по ночам, сэр, — ответил он, — но службой я никогда не пренебрегал.

— Разумеется, — пробормотал мистер Ридер. — У вас поэтическая натура. И это была весьма поэтичная мысль — нарвать цветов посреди ночи...

— Садовник сам сказал, что я могу брать любые цветы, какие захочу! — поспешно перебил Бёрнетт. — Я не сделал ничего дурного.

Ридер согласно наклонил голову. — Я знаю. Вы собирали цветы в темноте — кстати, вместе с хризантемами случайно сорвали и осеннюю астру, — привязали к ним своё стихотворение и оставили на крыльце вместе с... хм... подковой. А я-то всё думал, откуда взялась эта подкова.

— Я забросил их ей... то есть на подоконник дамы, — поправил его смущённый молодой человек. — Честно говоря, эта мысль пришла мне в голову, только когда я уже прошёл мимо дома...

Мистер Ридер подался вперёд. — Вот это-то я и хотел подтвердить, — тихо произнёс он. — Мысль оставить цветы пришла к вам только после того, как вы миновали её дом? И подкова навела вас на эту мысль? Тогда вы вернулись, нарвали цветов, перевязали их листком с уже готовым стихотворением и забросили в её окно... имя дамы мы можем не упоминать.

На лице констебля Бёрнетта отразилась целая гамма чувств. — Не знаю, как вы догадались, но всё именно так и было. Если я нарушил устав...

— Быть влюблённым — это не нарушение устава, — серьёзно ответил мистер Дж. Г. Ридер. — Любовь — прекрасное чувство. Я часто об этом читал.

Мисс Магда Грейн уже оделась для дневной прогулки и поправляла шляпку, когда увидела, как тот странный утренний посетитель снова идёт по мозаичной дорожке к её дому. За его спиной она узнала детектива, занимавшегося делом Грина. Прислуги дома не было, так что открыть дверь могла только она сама.

Она быстро скользнула за туалетный столик в нишу эркера и посмотрела на улицу. Так и есть: у обочины стояло такси, которое обычно сопровождало подобные визиты, а рядом с водителем ждал ещё один человек — без сомнения, легавый.

Она приподняла матрас своей кровати, достала спрятанную там плоскую пачку банкнот и сунула их в сумочку. Затем на цыпочках вышла на лестничную площадку, прокралась в пустую заднюю комнату и, распахнув окно, прыгнула на плоскую крышу кухни. Ещё минута — и она была уже в саду, а оттуда выскочила через заднюю калитку.

Дома стояли спиной друг к другу, и между ними тянулся узкий проход. Не успел мистер Ридер устать от стука в парадную дверь, как девушка уже была на Хай-стрит и садилась в трамвай. Насколько мистеру Ридеру было известно, больше он её никогда не видел.

По просьбе государственного обвинителя мистер Ридер заглянул к своему начальнику домой после обеда и рассказал эту удивительную историю.

— Грин, который во время войны получил редкое для него продвижение по службе в обход более опытных коллег за особые заслуги, несомненно, был бывшим каторжником. И он говорил чистую правду, когда утверждал, что получил письмо от человека, отбывавшего вместе с ним срок. Имя этого шантажиста — Артур Джордж Крейтер, более известный как Моллинг!

— Неужели ночной сторож? — в изумлении воскликнул прокурор.

Мистер Ридер печально кивнул. — Да, сэр, именно Артур Моллинг. Его дочь, мисс Магда Крейтер, действительно, как она сама верно заметила, родилась в Уолуорте семнадцатого октября 1900 года. Позже она исправилась на Уоллингтон, но сначала-то назвала Уолуорт.

Замечено, что когда люди берут вымышленные фамилии, они редко меняют свои настоящие имена, поэтому «Магду» оказалось легко идентифицировать.

Очевидно, Моллинг спланировал это ограбление банка чрезвычайно тщательно. Он перевёз дочь в Илинг под чужой фамилией и сумел устроить её знакомство с мистером Грином. Задача Магды заключалась в том, чтобы втереться в доверие к Грину и выведать всё, что возможно. Не исключено, что в её обязанности входило и снятие слепков с ключей. Узнал ли Моллинг в управляющем старого лагерного знакомого сам или получил эти сведения от дочери — мы уже никогда не узнаем. Но как только эта информация попала к нему в руки, он, по всей вероятности, увидел в ней прекрасную возможность ограбить банк и свалить всю вину на управляющего.

Роль девушки сводилась к образу женщины, находящейся в процессе развода, и должен признаться, это ставило меня в тупик, пока я не понял, что Моллинг ни при каких обстоятельствах не желал, чтобы имя его дочери связывали с управляющим банка.

Для налёта была выбрана ночь на семнадцатое число. План Моллинга по устранению управляющего сработал. Сторож увидел письмо на столе в личном кабинете Грина, прочитал его, забрал ключи — хотя у него, скорее всего, был дубликат — и в подходящий момент выгреб из банковских сейфов столько портативных денег, сколько смог унести. Он поспешно перетащил их к дому на Фирлинг-авеню и закопал на круглой клумбе в палисаднике прямо под кустом роз. Я сразу предположил, что что-то мешало правильному питанию этого несчастного куста, когда впервые его увидел. Остаётся только надеяться, что растение не погибло окончательно; я уже распорядился пересадить его и хорошенько удобрить почву.

— Да-да, — нетерпеливо прервал его прокурор, которого садоводство совершенно не интересовало.

— Сажая этот куст — а делал он это в большой спешке, — Моллинг расцарапал себе руку. У роз, как известно, есть шипы, и я специально отправился в Илинг, чтобы отыскать тот самый куст роз, который оставил царапины на его ладони. Спешно вернувшись в банк, он стал ждать, зная, что констебль Бёрнетт должен пройти мимо в строго определённое время. Банка с хлороформом была приготовлена заранее, наручники и ремни ждали своего часа. Он стоял на углу улицы, пока не увидел отблеск фонаря Бёрнетта. После этого он вбежал в банк, оставив дверь приоткрытой, сам затянул на себе ремни, защёлкнул наручники и лёг на пол, рассчитывая, что полицейский вот-вот войдёт, обнаружит открытую дверь и спасёт его до того, как будет причинён серьёзный вред.

Но у констебля Бёрнетта завязались приятные отношения с его дочерью. Без сомнения, она получила от отца указание быть с ним как можно любезнее. Бёрнетт был молодым человеком с поэтическим складом души; он помнил, что у неё день рождения, и когда он шёл по улице, его нога наткнулась на старую подкову. Тут ему и пришла в голову мысль вернуться, прикрепить подкову к цветам, которые садовник разрешил ему нарвать, и положить этот скромный букет, так сказать, к ногам своей дамы — поэтичная идея, вполне достойная лучших традиций столичной полиции! Он так и поступил, но это заняло некоторое время. И пока этот молодой человек предавался амурным фантазиям — Артур Крейтер умирал!

Через несколько секунд после того, как он лёг, сознание, должно быть, покинуло его... Хлороформ продолжал капать, и когда полицейский в конце концов добрался до банка — на десять минут позже положенного времени, — мужчина был уже мёртв!

Государственный обвинитель откинулся на спинку своего кожаного кресла и с изумлением посмотрел на нового подчинённого. — Как, чёрт возьми, вам удалось связать всё это воедино? — спросил он в крайнем удивлении.

Мистер Ридер печально покачал головой. — У меня есть это извращение, — проговорил он. — Это ужасное несчастье, но это так. Я во всём вижу дурное... в увядающих розовых кустах, в подковах и даже в поэзии. У меня криминальный склад ума. Это прискорбно!

II. Охота за сокровищами

В криминальных кругах бытует стойкое поверье, будто даже самый скромный детектив — человек весьма состоятельный, а свои тайные богатства он нажил воровством, взяточничеством и шантажом. На полях и в каменоломнях, в портняжных мастерских, прачечных и пекарнях полусотни окружных тюрем и трёх каторжных учреждений только и судачат о том, что все высокопоставленные сыщики несправедливыми путями накопили себе столько земных сокровищ, что служба для них — лишь хобби, а официальное жалованье — самая ничтожная часть их доходов.

Поскольку мистер Дж. Г. Ридер уже более двадцати лет имел дело исключительно с банковскими грабителями и фальшивомонетчиками, то есть с аристократами и капиталистами преступного мира, легенда приписывала ему владение загородными домами и колоссальными тайными резервами. Разумеется, никто не считал, что он держит эти деньги в банке. Все сходились во мнении, что он слишком умен, дабы рисковать быть раскрытым властями. Нет, деньги были где-то спрятаны. Сотни переступивших закон людей лелеяли заветную мечту: однажды отыскать этот тайник и безбедно жить до конца своих дней. Единственным утешительным аспектом его богатства (в этом сходились все) было то, что старик — а ему перевалило за пятьдесят — не сможет унести деньги с собой на тот свет, ведь золото при определённой температуре плавится, а первоклассные ценные бумаги редко печатают на асбестовой бумаге.

Как-то в субботу директор прокуратуры обедал в своём клубе с судьёй Высшего королевского суда — а суббота, как известно, один из двух дней в неделю, когда судью кормят как следует. Разговор плавно перетёк на некоего мистера Дж. Г. Ридера, начальника ищейки из ведомства директора.

— Он способный малый, — неохотно признал директор, — но я терпеть не могу его шляпу. Такую кокетливую модель носил один небезызвестный политик, — он назвал имя видного государственного деятеля. — И я просто ненавижу его чёрный сюртук. Когда люди видят, как он входит в контору, они думают, что это помощник коронера. Но дело своё он знает. Его бакенбарды — это просто тихий ужас, и у меня такое чувство, что если я поговорю с ним пожестче, он разрыдается — нежнейшая душа. Слишком уж нежная для моей работы. Он извиняется перед курьером каждый раз, когда звонит в колокольчик!

Судья, неплохо разбиравшийся в человеческой природе, ответил с ледяной улыбкой: — Сдаётся мне, по вашему описанию он скорее похож на потенциального убийцу, — цинично заметил он.

В своём преувеличении почтенный судья был несправедлив к мистеру Дж. Г. Ридеру, поскольку тот был совершенно неспособен нарушить закон. И всё же многие люди составляли абсолютно неверное представление о безобидности этого человека. Одним из них был некий Лью Коль, который совмещал печать фальшивых банкнот с банальными квартирными кражами.

«Пуганные птицы долго живут» — поговорка избитая, но, как и всё избитое, верная. В десятках случаев, когда мистер Дж. Г. Ридер сходил со свидетельской трибуны, он ловил на себе злобный взгляд человека на скамье подсудимых и с мягким интересом выслушивал разнообразие обещаний относительно того, что с ним сделают в ближнем или отдалённом будущем. Будучи крупным авторитетом по фальшивым купюрам, он отправил за решётку немало народу.

Этот кроткий человек видел заключённых, исходивших пеной от ярости; видел их бледными и посиневшими от злобы; слышал их завывания и проклятия. И он же встречал этих людей после их освобождения — они оказывались вполне любезными малыми, которым было и совестно, и смешно вспоминать свои давние вспышки гнева и жуткие угрозы.

Но когда в начале 1914 года Лью Коля приговорили к десяти годам каторжных работ, тот не стал выкрикивать проклятия и не клялся вырвать у мистера Ридера сердце, лёгкие и прочие жизненно важные органы из его тщедушного тела.

Лью просто улыбнулся, и его глаза на какую-то долю секунды встретились с глазами сыщика. Взгляд фальшивомонетчика — водянисто-голубой, изучающий — не выражал ни ненависти, ни ярости. Вместо этого он без лишних слов говорил: «При первой же возможности я тебя убью».

Мистер Ридер прочитал это послание и тяжело вздохнул, поскольку терпеть не мог никакой суеты и в глубине души обижался на несправедливость того, что его делают лично ответственным за выполнение общественного долга.

Прошло много лет, и в судьбе мистера Ридера произошли значительные перемены. От узкой специализации по поимке изготовителей фальшивых банкнот он перешёл к более широкой практике в бюро государственного обвинителя, но улыбку Лью он так и не забыл.

Работа в Уайтхолле была не слишком обременительной и весьма любопытной. К мистеру Ридеру стекалось большинство анонимных писем, которые директор получал пачками. В основном они говорили сами за себя, и не требовалось особого ума, чтобы разгадать их подоплёку. Ревность, злоба, банальное желание напакостить, а изредка и шкурный интерес нажиться на предоставленных сведениях — вот что стояло за большинством из них. Но порой попадалось и такое:

«Сэр Джеймс собирается жениться на своей кузине, а ведь не прошло и трёх месяцев с тех пор, как его бедная жена упала за борт с ла-маншского парохода по пути в Кале. Во всём этом деле есть что-то очень подозрительное. Мисс Маргарет его не любит, она знает, что ему нужны её деньги. И почему меня отослали в Лондон в ту самую ночь? К тому же он терпеть не может водить машину в темноте. Странно, что в ту ночь, когда лил как из ведра, он непременно захотел сесть за руль».

Это конкретное письмо было подписано: «Друг». У правосудия всегда находится множество таких друзей.

«Сэром Джеймсом» был сэр Джеймс Тизермайт, который во время войны возглавлял какое-то новое государственное ведомство и за свои заслуги удостоился титула баронета. — Проверьте это, — распорядился директор, увидев письмо. — Кажется, я помню, что леди Тизермайт утонула в море.

— Девятнадцатого декабря прошлого года, — торжественно произнёс мистер Ридер. — Они с сэром Джеймсом направлялись в Монте-Карло, сделав остановку в Париже. Сэр Джеймс, у которого дом под Мейдстоном, доехал на машине до Дувра и оставил её в гараже отеля «Лорд Уилсон». Ночь была бурной, переправа выдалась тяжёлой. Они были уже на полпути, когда сэр Джеймс прибежал к пурсеру и заявил, что потерял жену. Её багаж оставался в каюте, там же лежали паспорт, билет на поезд и шляпа, но саму даму так и не нашли, да и вообще больше никто её не видел.

Директор кивнул. — Вижу, вы уже ознакомились с делом.

— Я помню его, — отозвался мистер Ридер. — Это дело — один из моих любимых предметов для размышлений. К сожалению, я во всём вижу дурное, и мне часто приходило в голову, как легко... Но боюсь, у меня предвзятый взгляд на жизнь. Обладать криминальным складом ума — ужасный недостаток.

Директор подозрительно посмотрел на него. Он никогда не был до конца уверен, говорит ли мистер Ридер серьёзно. В данный момент его серьёзность не вызывала сомнений. — Письмо, конечно, написал уволенный шофёр, — начал директор.

— Томас Дейфорд, проживающий по адресу: Баррак-стрит, 179, Мейдстон, — закончил мистер Ридер. — В настоящее время он работает в Кентской автобусной компании. У него трое детей, двое из которых — близнецы, очаровательные маленькие разбойники.

Начальник беспомощно рассмеялся. — Будем считать, что вы всё знаете! — сдался он. — Выясните, что стоит за этим письмом. Сэр Джеймс — птица важная в Кенте, мировой судья, и у него сильные политические связи. В этом письме, разумеется, ничего нет. Действуйте осторожно, Ридер. Если от этого дела пойдёт какая-то отдача обратно в министерство, вся она обрушится на вас — в стократном размере!

У мистера Ридера были свои собственные представления о том, как действовать осторожно. На следующее утро он отправился в Мейдстон. Найдя автобус, который проезжал мимо ворот поместья Элфреда-Мэнор, он с комфортом и экономией покатил вглубь графства, зажав свернутый зонт между коленями. Проехав через ворота, он миновал длинную, извилистую тополиную аллею и вскоре увидел серое здание старинной усадьбы.

В глубоком кресле на лужайке он заметил девушку с книгой на коленях. Очевидно, она тоже увидела его, потому что поднялась, как только он ступил на траву, и поспешила навстречу. — Я мисс Маргарет Лезерби. Вы от... — она назвала известную адвокатскую контору, и лицо её вытянулось, когда мистер Ридер с сожалением откrestился от связей с этими светилами юриспруденции.

Она была настолько мила, насколько могут сделать девушку безупречный цвет лица и округлое, не обременённое излишним интеллектом личико. — Я думала... Вы хотите видеть сэра Джеймса? Он в библиотеке. Если вы позвоните, одна из горничных проведёт вас к нему.

Если бы мистер Ридер принадлежал к числу людей, которых хоть что-то способно удивить, его бы озадачила сама мысль о том, что девушка с собственным состоянием может выйти замуж за мужчину гораздо старше себя против своей воли. Однако сейчас здесь не было особой тайны. Мисс Маргарет пошла бы за любого волевого мужчину, который проявил бы настойчивость. «Даже за меня», — с некоторой меланхолической усладой подумал мистер Ридер.

Звонить в колокольчик не потребовалось. В дверях показался высокий широкоплечий мужчина в костюме для гольфа. Его светлые длинные волосы спадали на лоб густой ровной прядью. Тяжёлые рыжевато-коричневые усы скрывали рот и свисали над длинным, волевым подбородком. — Ну? — агрессивно спросил он.

— Я из ведомства государственного обвинителя, — пробормотал мистер Ридер. — Нами было получено анонимное письмо.

Его блеклые глаза неотрывно следили за лицом собеседника.

— Войдите, — буркнул сэр Джеймс.

Закрывая дверь, он бросил быстрый взгляд сначала на девушку, а затем на тополиную аллею.

— Я тут жду одного идиота-адвоката, — бросил он, распахивая дверь комнаты, которая явно служила библиотекой.

Голос его звучал ровно; ни единым вздрагиванием ресниц он не выдал ни малейшей тревоги, когда Ридер сообщил ему о цели своего визита.

— Ну так что там насчёт этого анонимного письма? Вы ведь не принимаете близко к сердцу подобную чушь, верно?

Мистер Ридер аккуратно пристроил свой зонт и котелок с плоской тульей на стул, после чего достал из кармана документ и протянул его баронету. Тот насупился, пробега глазами строчки. Было ли это плодом живого воображения мистера Ридера, или жесткий взгляд сэра Джеймса действительно слегка смягчился по мере чтения?

— Это какая-то сказка про белого бычка: якобы кто-то видел, как в Париже распродают драгоценности моей жены, — сказал он. — В этом нет ни капли правды. Я могу отчитаться за каждую безделушку моей покойной супруги. В ту кошмарную ночь я забрал шкатулку с драгоценностями с собой. Почерк мне незнаком. Кто этот лживый мерзавец, написавший это?

Мистера Ридера ещё никогда в жизни не называли лживым мерзавцем, но он принял это определение с поразительной кротостью.

— Я и сам подумал, что это неправда, — согласился он, покачивая#ой. — Я очень тщательно изучил все детали этого дела. Вы уехали отсюда во второй половине дня...

— Ночью, — резко оборвал его баронет. Он явно не был расположен обсуждать эту тему, но умоляющий взгляд мистера Ридера оказался неотразим. — До Дувра всего восемьдесят минут езды. К пирсу мы подъехали в одиннадцать часов, примерно одновременно с поездом, и сразу же поднялись на борт. Я взял у пурсера ключ от каюты, устроил там её светлость и занёс багаж.

— Её светлость хорошо переносила качку?

— Да, очень хорошо. В ту ночь она чувствовала себя замечательно. Я оставил её в каюте дремать, а сам пошёл прогуляться по палубе...

— Шёл сильный дождь, и море нехило штормило, — кивнул Ридер, будто соглашаясь с какими-то прежними словами собеседника.

— Да. Но я переношу качку прилично... В общем, вся эта история с драгоценностями моей бедной жены — сущая нелепица. Можете так и передать директору с моими наилучшими пожеланиями.

Он открыл дверь перед посетителем, и мистеру Ридеру потребовалось некоторое время, чтобы спрятать письмо назад в карман и собрать свои вещи.

— У вас прекрасное поместье, сэр Джеймс, просто чудесное. Обширные владения?

— Три тысячи акров, — на этот раз баронет даже не пытался скрыть своего нетерпения. — Всего хорошего.

Мистер Ридер неспешно пошёл по подъездной дорожке, и его феноменальная память уже всю работала.

Он пропустил автобус, на который без труда мог бы успеть, и пошёл, казалось бы, бесцельно, вдоль извилистой дороги, тянувшейся параллельно границам владений баронета. Пройдя с четверть мили, он наткнулся на просёлочную дорогу, отходившую под прямым углом от шоссе и обозначающую, как он догадался, южную границу поместья. На углу, за грозными железными воротами, стоял старый каменный домик смотрителя. Сторожка находилась в плачевном, запущенном состоянии: черепица на крыше съехала, окна были засаленными или выбитыми, а крошечный палисадник густо зарос щавелем и чертополохом. За воротами виднелась узкая, заросшая сорняками аллея, которая скрывалась из виду в дальней роще.

Услышав стук закрывающейся крышки почтового ящика, он обернулся и увидел почтальона, сядившегося на велосипед.

— Что это за место? — спросил мистер Ридер, задерживая отъезд почтальона.

— Южная сторожка — собственность сэра Джеймса Тизермайта. Ей сейчас вообще не пользуются. Уже много лет стоит заброшенной, уж не знаю почему. А ведь отсюда срезать путь можно, если ехать в ту сторону.

Мистер Ридер пошёл вместе с ним к деревне. Он умел мастерски выуживать информацию даже из самых немногословных собеседников, а этот почтальон вовсе не был молчуном.

— Да уж, бедная леди! Она была такой хрупкой — из тех вечных потрёпанных по жизни покойников, которые умудряются пережить многих здоровых мужчин.

Мистер Ридер задал вопрос наугад и попал в яблочко самым неожиданным образом.

— Да, её светлость качку как раз не выносила. Я это точно знаю, потому что каждый раз, как ехать за границу, она заказывала бутылочку того средства, что люди принимают от морской болезни. Я ей кучу этих бутылок перетаскал, пока они не появились у Рейкса в аптеке. «Друг путешественника Пикера» — вот как оно называлось. Мистер Рейкс как раз на днях жаловался, что у него завалилось полдюжины этих бутылок, и он ума не приложит, куда их девать. У нас в Клаймбери никто отродясь в море не выходил.

Мистер Ридер дошёл до деревни и принялся растрачивать своё драгоценное время в самых неподходящих местах: в аптеке, в кузнице, на скромном строительном дворе. В итоге он

успел на последний автобус до Мейдстона, а там, по счастливой случайности, и на последний поезд до Лондона.

И на следующий день на вопрос директора он ответил в своей обычной туманной манере: — Да, я видел сэра Джеймса. Весьма любопытный человек.

Это было в пятницу. Всю субботу он был занят, а воскресное утро принесло ему новое развлечение.

В это погожее воскресное утро мистер Ридер, облачённый в цветастый халат, с ногами, обутыми в чёрные бархатные туфли, стоял у окна своего дома на Брокли-роуд и созерцал безлюдную улицу. Колокол местной церкви, которая считалась «высокой», уже отзвонил к ранней мессе, и в поле зрения не было ни одной живой души, кроме чёрного кота, спавшего в лучах солнца на верхней ступеньке дома напротив. Было полвосьмого утра, а мистер Ридер сидел за столом аж с шести, работая при искусственном свете, поскольку дело шло к концу октября.

Из полукруглого эркера окна ему был виден кусок Люишем-Хай-роуд и часть Таннерс-хилл, прежде чем та ныряла под железнодорожный мост и уходила напрямик в Дептфорд.

Вернувшись к столу, он распечатал пачку самых дешёвых сигарет и, закулив одну, затянул её весьма дилетантским образом. Он курил сигареты скорее как женщина, которая их терпеть не может, но чувствует, что так положено по этикету.

— Боже мой, — слабо вымолвил мистер Ридер.

Он снова подошёл к окну и увидел мужчину, свернувшего с Люишем-Хай-роуд. Тот пересёк улицу и направился напрямик к «Дому Нарциссов» — именно это легкомысленное название красовалось на дверных косяках жилища мистера Ридера. Высокий, подтянутый человек с угрюмым смуглым лицом подошёл к палисаднику, вошёл в калитку и скрылся из поля зрения наблюдателя.

— Батюшки мои! — вздохнул мистер Ридер, услышав дребезжание дверного звонка.

Через несколько минут в дверь постучала экономка. — К вам мистер Коль, сэр. Примите? Мистер Дж. Г. Ридер кивнул.

Лью Коль вошёл в комнату и обнаружил немолодого человека в кричащем халате, сидящего за столом; пенсне на его носу сидело наперекосяк.

— Доброе утро, Коль.

Лью Коль посмотрел на человека, который упрятал его на семь с половиной лет в суший ад, и уголки его тонких губ презрительно поползли вверх.

— Утречко, мистер Ридер, — его глаза метнулись по почти пустой поверхности письменного стола, на котором Ридер слегка сцепил пальцы. — Не ожидали меня увидеть, полагаю?

— Так рано — нет, — прошелестел Ридер своим тихим голосом. — Но мне следовало бы помнить, что ранняя побудка — одна из тех полезных привычек, которые прививаются на каторге.

Он произнёс это тоном наставника, хвалящего за примерное поведение.

— Думаю, вы прекрасно понимаете, зачем я пришёл, а? У меня память хорошая, Ридер, а у человека в Дартмуре предостаточно времени, чтобы подумать.

Пожилый человек приподнял свои рыжеватые брови, и очки в стальной оправе съехали на его носу ещё сильнее набок.

— Какая знакомая фраза, — протянул он, и брови его сошлись на переносице. — Ну, ка дайте вспомнить... Это, конечно, из какой-то мелодрамы, но из какой? «Души в упряжке» или «Брачный обет»?

Казалось, он искренне нуждался в помощи, чтобы разрешить эту загадку.

— Это будет совсем другой спектакль, — процедил сквозь зубы длиннолицый Лью. — Я до тебя доберусь, Ридер. Можешь пойти и накатать жалобу своему боссу, государственному прокурору. Но я сделаю всё чисто! Не останется ни единой улики, чтобы отправить меня на виселицу. И я доберусь до твоего милого чулочка с заначкой, Ридер!

В легенду о несметных богатствах Ридера верил даже такой смышлённый малый, как Коль.

— Доберетесь до моего чулка? Боже мой, мне же придётся ходить босиком, — с лёгким налётом юмора отозвался мистер Ридер.

— Ты прекрасно понимаешь, о чём я. Поразмысли об этом. В один прекрасный день ты выйдешь на улицу, и никакой Скотленд-Ярд не поймает меня за твоё убийство! Я всё до мелочей просчитал...

— В Дартмуре ведь полно времени, чтобы подумать, — ободряюще пробормотал мистер Дж. Г. Ридер. — Вы становитесь великим мыслителем современности, Коль. Вы знакомы с шедевром Родена? Прекрасная статуя, буквально трепещущая жизнью...

— Разговор окончен, — Лью Коль поднялся, и ухмылка всё ещё кривила уголок его рта. — Возможно, ты поразмыслишь над этим на досуге, и через день-другой тебе уже не будет так весело.

Лицо Ридера выражало глубочайшую, почти трагическую печаль. Его растрёпанные седые волосы, казалось, встали дыбом, а большие уши, торчавшие под прямым углом к голове, создавали иллюзию мелкого дрожания.

Рука Лью Коля уже лежала на дверной ручке.

«Вамп!»

Раздался глухой звук, словно тяжелый предмет на полной скорости врезался в доску. Что-то со свистом пронеслось у самого щеки Лью, прямо перед его глазами в стене образовалась глубокая выбоина, а лицо обожгло разлетавшейся известковой крошкой. Издав яростный, почти звериный рык, он резко обернулся.

В руке мистера Ридера был длинноствольный «Браунинг» с глушителем в форме бочонка на дуле, и сыщик с самым искренним, разинутым от изумления ртом разглядывал собственное оружие.

— Ну надо же, как же это так вышло? — искренне изумился он.

Лью Коль стоял, содрогаясь от гнева и страха, его лицо стало желтовато-белым.

— Ах ты... ах ты свинья! — шумно выдохнул он. — Ты же в меня стрелял!

Мистер Ридер уставился на него поверх очков.

— Пресвятые угодники — неужто вы так подумали? Всё ещё подумываете о том, чтобы убить меня, Коль?

Коль пытался что-то сказать, но не находил слов. Распахнув дверь, он вихрем скатился по лестнице и вылетел через парадный вход. Стоило его ноге ступить на первую ступеньку крыльца, как сверху что-то с грохотом пронеслось мимо и разлетелось вдребезги прямо у его ног. Это была массивная каменная ваза, украшавшая подоконник спальни мистера Ридера. Перемахнув через обломки камня и комья земли из-под цветов, Лью задрал голову и свирепо уставился на удивлённое лицо мистера Дж. Г. Ридера.

— Я до тебя доберусь! — брызжа слюной, прорычал он.

— Надеюсь, вы не ушиблись? — с искренней заботой в голосе поинтересовался человек в окне. — Всякое случается. В один прекрасный день, в какой-то час...

Лью Коль уже всюду шагнул прочь по улице, а детектив всё продолжал говорить ему вслед.

Мистер Стэн Брайд как раз предавался утренним аблущиям (водным процедурам), когда его приятель и бывший сокамерник вошёл в маленькую комнатку с видом на Фитцрой-сквер.

Стэн Брайд, который внешне ни капли не походил на девственника — будучи плотным, приземистым мужчиной с огромным багровым лицом и кучей подбородков, — замер, вытираясь полотенцем, и уставился на вошедшего поверх его края.

— Что с тобой стряслось? — резко спросил он. — На тебе лица нет, словно за тобой легавые гнались. И чего тебя понесло на улицу в такую рань?

Лью рассказал ему обо всём, и жизнерадостная физиономия его сожителя становилась всё длиннее и длиннее.

— Ну и дубина же ты! — зашипел он. — Сунуться к Ридеру с такими дешёвыми понтами! Думаешь, он тебя не ждал? По-твоему, он не знал до секунды, когда именно ты откинулся из Дартмура?

— Во всяком случае, я его напугал, — буркнул Коль, и мистер Брайд так и прыснул со смеху.

— Испугал он! Ну и силён, — язвительно бросил он. (Слово «человек» он опустил, заменив его более сочным тюремным эпитетом). — Вот если он сейчас такой же белый, как ты, тогда точно испугался! Но это вряд ли. Понятное дело, он пустил пулю мимо — захоти он тебя грохнуть, ты бы уже остывал. Но он не захотел. Мыслитель, говоришь? Ну вот он и подкинул тебе пищу для размышлений.

— Откуда у него ствол, я ума не при...

В дверь постучали, и мужчины переглянулись.

— Кто там? — крикнул Брайд, и знакомый голос снаружи ответил.

— Это фараон из Ярда, — прошептал Брайд и открыл замок.

«Фараоном» оказался сержант Олфорд из Департамента уголовного розыска — приветливый, дородный мужчина и детектив, подающий большие надежды.

— Доброе утро, мальчики. Что, Стэн, в церковь не ходил сегодня?

Стэн вежливо ухмыльнулся.

— Как дела на воле, Лью?

— Нормально, — фальшивомонетчик подобрался, взгляд его стал подозрительным.

— Я заглянул к тебе насчёт ствола. Есть у меня мысль, Лью, что ты при себе пушку держишь — автоматический «Кольт» номер R.7/94318. Нехорошо это, Лью, в наших краях с оружием не ходят.

— Нет у меня никакого ствола, — угрюмо отозвался Лью.

Брайд в одно мгновение словно постарел на десяток лет: он ведь тоже был на условно-досрочном, и если бы полиция что-то нашла, его мигом упекли бы досиживать прошлый срок.

— Пройдёмся до участка, или позволишь мне обхлопать тебя здесь?

— Обхлопывай, — сдался Лью и послушно раскинул руки, пока детектив проводил обыск.

— Я тут ещё осмотрюсь, — добавил сержант, и его «осмотр» оказался на редкость дотошным. — Что ж, должно быть, я ошибся, — наконец произнёс Олфорд. И вдруг, резко обернувшись, добавил: — Так это его ты швырнул в реку, пока шёл по Набережной?

Лью вздрогнул. Это было первое известие о том, что с самого утра за ним велся плотный «хвост».

Брайд дождался, пока фигура сержанта, пересекающего Фитцрой-сквер, окончательно скроется из виду, после чего в ярости набросился на приятеля.

— Умный, да?! Этот старый пёс Ридер знал, что у тебя ствол, и даже номер его знал! И если бы Олфорд его нашёл, «загребли» бы тебя, а заодно и меня!

— Я же сбросил его в реку, — огрызнулся Лью.

— Мозгов у тебя — кот наплакал! — тяжело дыша, процедил Брайд. — Забудь про Ридера. Он — сущий ад и чистый яд, и если ты этого ещё не понял, значит, ты глухой! Напугал он его, видишь ли, дурила стоеросовый! Да он тебе глотку перережет и псалом об этом напишет.

— Я не знал, что за мной следят, — проворчал Коль. — Но я до него доберусь! И до его денег тоже.

— Доберись для начала до другого жилья, — отрезал Брайд. — Против жуликов я ничего не имею, сам такой. Против мокрушников тоже ничего. Но от болтливых ослов меня с души воротит. Забирай его бабки, если сможешь — хотя готов поспорить, они все в недвижимость вложены, а дома с собой не унесёшь, — но только помалкивай об этом. Ты мне нравишься,

Лью, но лишь до определённой черты. А сейчас ты эту черту перешагнул так далеко, что тебя и не видать. Ридера я не люблю, как не люблю змей, но я просто держусь подальше от зоопарка.

В итоге Лью Коль перебрался на новую квартиру — на самый верхний этаж дома, принадлежавшего итальянцу, на Дин-стрит. Здесь у него было предостаточно свободного времени и желания, чтобы лелеять свои обиды и заново планировать уничтожение врага. Новые планы были крайне необходимы, поскольку схемы, казавшиеся столь безупречными в тишине девонширской тюремной камеры, теперь трещали по всем швам.

Правда, его маниакальное желание непременно совершить убийство претерпело значительные изменения. Над ним, сам того не подозревая, провёл отличный эксперимент весьма тонкий психолог — хотя Лью никогда не воспринимал мистера Ридера в таком ключе, да и вообще имел весьма смутное представление о значении этого слова. Но существовали и другие способы уязвить Ридера, и мысли Коля постоянно возвращались к заветной мечте: отыскать скрытые сокровища заносчивого детектива.

Почти неделю спустя мистер Ридер без приглашения заглянул в личный кабинет директора. Высокий чиновник слушал как заворожённый, пока его подчинённый излагал свою невероятную теорию касательно сэра Джеймса Тизермайта и его погибшей супруги. Когда мистер Ридер закончил, директор отодвинул кресло от стола.

— Милейший мой человек, — заговорил он с лёгким раздражением. — Я не могу выдать ордер на основании одних лишь ваших догадок. Даже ордер на обыск. Ваша история настолько фантастична и невероятна, что ей самое место на страницах какого-нибудь сенсационного романа, а не в отчёте государственной прокуратуры.

— Но ведь ночь была бурной, а леди Тизермайт никогда не страдала от морской болезни, — мягко напомнил детектив. — Вот о каком факте стоит помнить, сэр.

Директор покачал#ой. — Не могу. Не с такими уликами, — отрезал он. — Я подниму такую бурю, что меня самого вышвырнут из Уайтхолла. Неужели вы ничего не можете предпринять... неофициально?

Мистер Ридер сокрушённо вздохнул: — Моё появление в тех краях уже заметили, — чопорно произнёс он. — Думаю, теперь будет невозможно... э-э... замести следы. И всё же я точно установил место и могу указать его вам с точностью до нескольких дюймов...

Директор снова покачал#ой. — Нет, Ридер, — мягко сказал он. — Всё это — чистой воды дедукция с вашей стороны. О да, я знаю, что у вас криминальный склад ума — полагаю, вы мне об этом уже говорили. И именно поэтому я не стану выписывать ордер. Вы просто приписываете этому несчастному человеку собственную изобретательность. Номер не пройдёт!

Мистер Ридер вздохнул и вернулся в своё бюро, однако не впал в полное уныние, поскольку в его расследование вклинился новый любопытный элемент.

За эту неделю мистер Ридер несколько раз навещался в Мейдстон, и ездил он туда не один. Хотя внешне он никак не выказывал того, что у него появился «хвост», он уже несколько раз замечал Лью Коля и провёл немало неприятных минут, задаваясь вопросом: неужели его психологический эксперимент сорвался?

Однако во время второй поездки в голове детектива зародился новый план. И будь он человеком, склонным к смеху, он бы непременно расхохотался в голос, когда, сойдя как-то вечером на станции Мейдстон, нанимал кэб и краем глаза заметил, как Лью Коль лихорадочно торгуется за другой экипаж.

Мистер Брайд был целиком поглощён скучным, но необходимым занятием — он тренировался подрезать колоду карт так, чтобы бубновый туз неизменно оставался на самом дне, когда его бывший сожитель буквально ворвался в комнату. В холодных глазах Лью горел такой триумфальный блеск, что у мистера Брайда сердце ушло в пятки.

— Я взял его! — выпалил Лью.

Брайд отложил карты и поднялся. — Кого ты там взял? — холодно спросил он. — И если речь опять про мокруху, можешь даже не отвечать, а просто выметаться отсюда!

— Никакой мокрухи.

Лью уверенно усаживался за стол, засунув руки в карманы; на его лице играла самая настоящая улыбка.

— Я целую неделю шёл по следу Ридера. И надо сказать, за этим типом глаз да глаз нужен!

— Ну? — спросил Брайд, когда тот сделал драматическую паузу.

— Я нашёл его заначку!

Брайд почесал подбородок, наполовину поверив: — Да ну?

Лью кивнул. — Он в последнее время повадился мотаться в Мейдстон, а оттуда едет в маленькую деревушку милях в пяти. Там я его след вечно терял. Но прошлым вечером, когда он вернулся на станцию к последнему поезду, он зашёл в зал ожидания, а я нашёл место, откуда мог за ним подглядывать. И как думаешь, что он сделал?

Мистер Брайд даже не попытался угадать.

— Он открыл свой саквояж, — внушительно произнёс Лью, — и вытащил оттуда пачку банкнот вот такой толщины! Он потрошил свой банковский счёт! Я вёл его до самого Лондона. На вокзале есть ресторан, и он зашёл туда выпить чашку кофе, а я держался позади, чтобы не мозолить ему глаза. Когда он выходил из ресторана, он вытащил платок, чтобы вытереть рот. И не заметил, как у него вывалилась маленькая книжка, а вот я заметил! У меня аж сердце упало: до смерти испугался, что кто-то другой её подберёт или что он сам вовремя спохватится. Но он зашагал к выходу с вокзала, а я перехватил эту книжку быстрее, чем ты успел бы пикнуть. Гляди!

Это была потрёпанная маленькая записная книжка в выцветшем переплёте из красного сафьяна. Брайд протянул руку, чтобы взять её.

— погоди, — осадил его Лью. — Мы в этом деле пятьдесят на пятьдесят? Потому что мне нужна помощь.

Брайд заколебался: — Если это обычная кража, то я в деле.

— Обычная кража — проще некуда и со вкусом, — ликуя подтвердил Лью и пододвинул книжку по столу.

Большую часть ночи они просидели вместе, переговариваясь вполголоса и беспристрастно обсуждая методичное ведение бухгалтерии мистером Дж. Г. Ридером и его запредельную нечестность.

Ночь на понедельник выдалась дождливой. С юго-запада налетел шквалистый ветер, и воздух был полон кружащейся листвы, когда Лью со своим спутником отмеривали шагами те пять миль, что отделяли их от деревни. Ни один из них не нёс в руках ничего приметного, однако под непромокаемым плащом у Лью скрывался набор воровских инструментов поразительной изобретательности, а карманы пальто мистера Брайда были оттянуты тяжелыми частями мощного лома-фомки.

За всю дорогу они не встретили ни души. Церковные часы как раз пробили одиннадцать, когда Лью ухватился за прутья ворот Южной сторожки, подтянулся, перемахнул через верх и легко спрыгнул с другой стороны. За ним последовал мистер Брайд, который, несмотря на свою тучность, оказался на редкость проворным малым. Разрушенный домик смутно вырисовывался в темноте. Миновав скрипучие ворота, они подошли к дверям, и Лью на секунду посветил фонариком на замочную скважину, прежде чем приняться за дело с отмычками из своего арсенала.

Дверь поддалась через десять минут, и ещё через пару секунд они уже стояли в комнатке с низким потолком, главной деталью которой был глубокий камин без решётки. Лью снял свой макинтош и завесил им окно, после чего прибавил яркости на фонаре. Опустившись на колени,

он смёл скопившийся мусор с очага и принялся тщательно изучать стыки большой каменной плиты.

— Эту работу сляпали на скорую руку, — заметил он. — Любой бы разглядел.

Он вогнал изогнутый конец лома в щель и нажал как на рычаг — камень слегка поддался. Сделав минутную паузу, чтобы углубить расщелину с помощью зубила и молотка, он просунул лом ещё глубже. Плита приподнялась над уровнем пола, и Брайд ловко подсунул под неё зубило.

— А теперь вместе! — крикнул Лью.

Они просунули пальцы под каминный камень и одним мощным рывком перевернули его набок. Лью взял фонарь и, стоя на коленях, направил луч света в тёмную пустоту. И в то же мгновение:

— О Господи! — истошно завопил он.

Секундой позже двое объятых ужасом мужчин сломя голову выбежали из дома на аллею. И тут случилось чудо: ворота были распахнуты настежь, а прямо перед ними живой стеной стояла тёмная фигура.

— Руки вверх, Коль! — произнёс голос, и, как бы ни был он ненавистен Лью Колю, в тот миг тот готов был броситься мистеру Ридеру на шею от облегчения.

В двенадцать часов той же ночи сэр Джеймс Тизермайт обсуждал дела со своей будущей невестой: глупость её адвоката, который пытался защитить её состояние, и собственную проницательность и предусмотрительность, обеспечившие девушке, которая станет его женой, полную свободу действий.

— Эти мерзавцы думают только о своих гонорах, — начал он, как вдруг в комнату без доклада вошёл лакей, а следом за ним — начальник полиции графства и человек, которого баронет помнил по недавнему визиту.

— Сэр Джеймс Тизермайт? — спросил начальник полиции, хотя это было излишне: он прекрасно знал сэра Джеймса.

— Да, полковник, в чём дело? — спросил баронет, и лицо его судорожно дернулось.

— Я беру вас под стражу по обвинению в умышленном убийстве вашей супруги, Элеонор Мэри Тизермайт.

— Всё дело крутилось вокруг вопроса о том, хорошо ли леди Тизермайт переносила морскую качку или плохо, — объяснял Дж. Г. Ридер своему начальнику. — Если она не выносила качки, то вряд ли она могла пробыть на корабле хотя бы пять минут и не позвать стюардессу. Но стюардесса её светлость не видела, как не видел её и вообще никто на борту, по той простой причине, что её на борту не было! Она была убита прямо на территории поместья. Её тело замуровали под каминной плитой старой сторожки, а сэр Джеймс продолжил свой путь на машине до Дувра, где сдал вещи портье и велел отнести их в каюту, после чего вернулся, чтобы отогнать машину в гараж отеля. Он рассчитал время прибытия так, чтобы подняться на борт вместе с толпой пассажиров, сошедших с поезда, и никто толком не понял — один он шёл или с кем-то. Да, собственно, никому до этого и дела не было. Пурсер выдал ему ключ, он отнёс багаж (включая шляпку жены) в каюту, расплатился с портье и отпустил его. Официально леди Тизермайт находилась на борту, ведь он отдал её билет контролёру и получил посадочный талон. А затем он «обнаружил», что она исчезла. Судно обыскали, но несчастную женщину, разумеется, не нашли. Как я уже имел честь заметить ранее...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.